

**К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
ОБОЗНАЧЕНИЙ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ В ДРЕВНЕРУССКИХ
И СТАРОРУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ:
ГРЕЦИЗМЫ ГРАМОТА, ЕПИСТОЛИЯ, ХАРТИЯ, ХАРАТИЯ****О. В. ЗУЕВА¹⁾**¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Установлены смысловые различия между лексико-семантическими вариантами слов *грамота*, *епистолия*, *хартия*, *харатия*, объединенными значением 'эпистолярный текст', в древнерусском и старорусском языках. Для анализа семантики выбраны древнейшие греческие заимствования и производные от лексемы *грамота* номинации *грамотица* и *грамотка*. Доказано, что обозначения, за исключением слов *хартия*, *харатия*, не выступали синонимами-дублетами на разных исторических этапах. В древнерусском языке эти грецизмы были многозначными, в частности они могли называть как эпистолярный текст, так и официальный документ, что является одним из факторов, обуславливающих проблему различения актовых и эпистолярных источников. В старорусском языке лексема *грамота* называла два типа источников, ее функционирование не было ограничено рамками книжной культуры, номинация (единственная из проанализированных) стала базой для образования других жанровых обозначений. Лексема *грамота* и производное от нее слово *грамотка* не употреблялись для обозначения частных духовных посланий, в отличие от номинаций *хартия* и *епистолия*. У грецизма *епистолия*, имевшего выраженный книжный характер на протяжении всего выбранного периода, выявлен самый широкий семантический диапазон, при этом в старорусском языке слово практически полностью утратило значение 'документ'. У лексемы *хартия* в старорусском языке, напротив, в пассивное языковое знание ушло эпистолярное значение. Все проанализированные грецизмы использовались в повествовательных текстах по отношению к не уточняемому по содержанию виду письма, т. е. при обозначении ситуации эпистолярного диалога вообще.

Ключевые слова: древнерусский язык; старорусский язык; источник; жанр; эпистолярный текст; письмо; документ; многозначное слово.

Благодарность. Автор статьи выражает благодарность германисту, переводчику С. П. Павловицкому за возвращенный историко-лингвистический комментарий к слову *breff (Brief)* 'письмо' и высказанное мнение относительно семантики словоупотреблений в немецкой части русско-нижнегерманского разговорника Т. Фенне.

Образец цитирования:

Зуева ОВ. К проблеме семантической дифференциации обозначений эпистолярных текстов в древнерусских и старорусских письменных памятниках: грецизмы *грамота*, *епистолия*, *хартия*, *харатия*. Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2023;2:101–114.

For citation:

Zuyeva VU. Towards the semantic differentiation problem of epistolary text denotations in Ancient Russian and Old Russian written monuments: Greecisms *грамота*, *епистолия*, *хартия*, *харатия*. Journal of the Belarusian State University. Philology. 2023;2:101–114. Russian.

Автор:

Ольга Владимировна Зуева – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русского языка филологического факультета.

Author:

Volha U. Zuyeva, PhD (philology), docent; associate professor at the department of Russian language, faculty of philology.
zuyeva.volha@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9686-6268>

ДА ПРАБЛЕМЫ СЕМАНТЫЧНАЙ ДЫФЕРЭНЦЫЯЦЫ АБАЗНАЧЭННЯЎ ЭПІСТАЛЯРНЫХ ТЭКСТАЎ У СТАРАЖЫТНАРУСКІХ І СТАРАРУСКІХ ПІСЬМОВЫХ ПОМНІКАХ: ГРЭЦЫЗМЫ ГРАМОТА, ЕПІСТОЛИЯ, ХАРТИЯ, ХАРАТИЯ

В. У. ЗУЕВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Устаноўлены сэнсавыя адрозненні паміж лексіка-семантычнымі варыянтамі слоў *грамота*, *епистолия*, *хартія*, *харатія*, аб'яднанымі значэннем 'эпістальны тэкст', у старажытнарускай і старарускай мовах. Для аналізу семантыкі выбраны найстаражытнейшыя грэчаскія запазычаны і вытворныя ад лексемы *грамота* намінацыі *грамотица* і *грамотка*. Даказана, што абазначэнні, за выключэннем слоў *хартія*, *харатія*, не выступалі сінонімамі-дублетами на розных гістарычных этапах. У старажытнарускай мове гэтыя грэцызмы былі шматзначнымі, у прыватнасці яны маглі называць як эпістальны тэкст, так і афіцыйны дакумент, што з'яўляецца адным з фактараў, якія абумоўліваюць праблему адрознівання актывых і эпістальных крыніц. У старарускай мове лексема *грамота* называла два тыпы крыніц, яе функцыянаванне не было абмежавана рамкамі кніжнай культуры, намінацыя (адзіная з прааналізаваных) стала базай для ўтварэння іншых жанравых абазначэнняў. Лексема *грамота* і вытворнае ад яе слова *грамотка* не ўжываліся для абазначэння прыватных духоўных пасланняў, у адрозненне ад намінацыі *хартія* і *епистолия*. У грэцызме *епистолия*, які меў нааўны кніжны характар на працягу ўсяго выбранага перыяду, адзначаны самы шырокі семантычны дыяпазон, пры гэтым у старарускай мове слова практычна цалкам страціла значэнне 'дакумент'. У лексемы *хартія* ў старарускай мове, наадварот, у пасіўныя моўныя веды сышло эпістальнае значэнне. Усе прааналізаваныя грэцызмы выкарыстоўваліся ў апавядальных тэкстах у адносінах да тыпу ліста, што не ўдакладняецца па змесце, гэта значыць пры абазначэнні сітуацыі эпістальнага дыялогу ўвогуле.

Ключавыя словы: старажытнаруская мова; стараруская мова; крыніца; жанр; эпістальны тэкст; ліст; дакумент; шматзначнае слова.

Падзяка. Аўтар артыкула выказвае падзяку германісту, перакладчыку С. П. Паўлавіцкаму за разгорнуты гісторыка-лінгвістычны каментарый да слова *breff* (*Brief*) 'ліст' і выказанае меркаванне адносна семантыкі словаўжыванняў у нямецкай частцы руска-ніжнемецкага размоўніка Т. Фяне.

TOWARDS THE SEMANTIC DIFFERENTIATION PROBLEM OF EPISTOLARY TEXT DENOTATIONS IN ANCIENT RUSSIAN AND OLD RUSSIAN WRITTEN MONUMENTS: GREECISMS ГРАМОТА, ЕПІСТОЛИЯ, ХАРТИЯ, ХАРАТИЯ

V. U. ZUYEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The purpose of the study is to establish the differences in meaning between the lexical and semantic variants of the words *грамота*, *епистолия*, *хартія*, *харатія*, which are united by the common meaning 'epistolary text', in the Ancient Russian language and in the Old Russian language. For the analysis of semantics, the most ancient Greek borrowings were selected, as well as the nominations *грамотица* and *грамотка* derived from *грамота*. The designations, except for the words *хартія*, *харатія*, are not absolute synonyms at different historical periods. In the Ancient Russian language, these Greek borrowings were polysemantic, in particular, they could designate both an epistolary text and an official document, which is one of the factors that determine the problem of distinguishing act sources and epistolary sources. For the lexeme *грамота* in the Old Russian period too, the designation of both types of the sources was equally relevant, this word was not limited to the framework so-called book culture and the only one of those analysed became the basis for the formation of other genre designations. The lexeme *грамота* and the derivative word *грамотка* were not used to designate private spiritual messages, in contrast to the nominations *хартія* and *епистолия*. The Greek borrowing *епистолия*, which had notable literary stylistic features throughout the selected period, revealed the widest semantic range, while in the Old Russian language this word practically completely lost the meaning of 'document'. The epistolary meaning of the lexeme *хартія* in the Old Russian language goes into passive linguistic knowledge, on the contrary. All the analysed words could be used in narrative texts in relation to a form of letters not specified in content, that is, when denoting the situation of the epistolary dialogue in general.

Keywords: the Ancient Russian language; the Old Russian language; source; genre; epistolary text; letter; document; polysemantic word.

Acknowledgements. The author of the article thanks the Germanist, translator S. P. Pavlovitsky for a detailed historical and linguistic commentary on the word *breff* (*Brief*) 'letter' and for his opinion on the semantics of word usage in the German part of T. Fenne's Russian and Low German phrasebook.

Введение

Древнерусские и старорусские эпистолярные тексты в своем внутрижанровом многообразии составляют разнородную в стилистическом и языковом отношении группу письменных источников. Исходя из собственно лингвистических, структурно-композиционных и функциональных признаков текстов для разграничения писем и произведений других жанров ранее было предложено следующее определение: «...памятником эпистолярного жанра является речевое произведение, созданное с целью осуществления дистантного межличностного общения, грамматически и прагматически ориентированное на второе лицо – конкретного адресата, обладающее стереотипной структурной организацией, реализующее систему принятых в данное время для данной жанровой разновидности текста коммуникативных формул. Не являясь юридическими документами, письма лишены свойства облигаторности»¹. Эта характеристика полностью релевантна для текстов, относящихся к центру поля эпистолярных памятников (частные светские письма, духовные воодушевляющие послания церковных властей, полемическая переписка по идеологическим вопросам). Продолжение исследования истории письменного общения в средневековой Руси и привлечение новых источников показали широту, недостаточную определенность параметра «межличностное общение» и неverifiedируемость признака «облигаторность» применительно к ряду конкретных текстов. Такой вывод непосредственно связан со сложностью разграничения сфер и модусов общения, трудностью однозначной дифференциации разных дискурсов в средневековой восточнославянской письменной коммуникации. Данное наблюдение, в свою очередь, актуализирует проблему определения места эпистолярных текстов в кругу письменных источников и классификации этих текстов. О неоднозначности подходов к решению указанной проблемы писали многие лингвисты [1; 2, с. 42–44; 3, с. 253–256]. Вопрос актуален для эпистолярных традиций различных средневековых культур [4–6]. Систематизация материала, извлекаемого из письменных памятников, – это в том числе попытка увидеть текст (в данном случае письмо) глазами либо его автора, либо составителя сборника, в который письмо включалось, либо автора (переводчика) сочинения, в котором упоминается тот или иной текст. Важно установить, что они считали письмом, и выяснить, какие типы текстов обозначались определенными словами.

В лингвистическом источниковедении используются разные термины для названия различных видов писем. Например, грамотами обозначались письма на бересте в XI–XV вв., грамотками – частные письма помещиков в XVII в., а посланиями – обращения духовных отцов к прихожанам церкви на любом историческом этапе. Эти номинации извлечены из письменных памятников, и их употребление стало устоявшейся традицией. Древнерусскому и старорусскому языкам известен, кроме них, целый ряд обозначений писем: *бересто*, *грамотица*, *епистолия*, *книги*, *лист*, *написание*, *писание*, *писмя*, *писмена*, *хартия*, *харатия*, *цедула* и др. Данные лексемы отражают разнообразие ситуаций эпистолярной коммуникации и рефлексию ее участников или комментаторов над ним. Различные названия встречаются в текстах разных жанров и стилей.

В работе представлены результаты описания семантики номинаций, обозначающих эпистолярные тексты в древнерусском и старорусском языках, – древних славянских лексических заимствований из греческого языка (*грамота*, *епистолия*, *хартия*, *харатия*), а также рассмотрены производные слова *грамотица* и *грамотка*. Все заимствованные номинации известны древнерусскому языку с XI в. Цель исследования – установление смысловых различий между лексико-семантическими вариантами слов, объединенными значением ‘эпистолярный текст’, в древнерусском и старорусском языках. Данные различия отражают жанровую дифференциацию текстов, маркируемых разными номинациями. Семантическая история этих многозначных слов после XVII в. не прослеживается, они не анализируются вне эпистолярного употребления.

Материалы и методы исследования

Источники исследования – исторические словари русского языка, электронные публикации серии «Библиотека литературы Древней Руси» (сплошная выборка из 1–6-го томов, посвященных письменным памятникам древнерусского периода), Национальный корпус русского языка (сплошная выборка из исторического корпуса с учетом примеров, извлеченных из книг серии «Библиотека литературы Древней Руси»), а также издания эпистолярных памятников.

Текстовые примеры и переводы к ним даются в той форме, в которой они представлены в публикациях. Вне текстовых примеров номинации приводятся в упрощенной орфографии.

Методы исследования – аналитическое описание, анализ количественных данных, контекстуальный анализ, классификация.

¹Зуева О. В. Стиль эпистолярных текстов XI–XVII веков и его место в истории русского литературного языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. Минск, 2009. С. 6–7.

Результаты и их обсуждение

Слово *грамота*. Лексема образована от греческой формы множественного числа *γράμματα* (форма единственного числа – *γράμμα* ‘черта, письменный знак, буква’), которая в эпоху заимствования славянами имела до 15 значений [7, с. 148–149]. Это наиболее древнее из рассматриваемых в статье заимствование из греческого языка, причем, вероятно, первоначально устное [8, с. 102]. Интерес представляет эпистолярное значение слова. Выявление его в ряде контекстов оказывается затруднительным: в истории русского языка номинацией *грамота* обозначался самый широкий круг письменных текстов, от публично-правовых актов до частных писем [3, с. 250–256]. Она входила в десятки устойчивых наименований древнерусских и старорусских документов (СДрЯ, т. 2, с. 383–384; СРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 119–120).

Вопрос о разграничении актовых источников (в узком понимании актов как документов, устанавливающих «определенные правоотношения либо между контрагентами сделки, либо между автором и адресатом» [3, с. 250]) и эпистолярных источников, т. е. размежевании документов и недокументов, крайне актуален. Среди текстов, обслуживавших в Средневековье деловую коммуникацию по вертикали и горизонтали, насчитывается множество памятников, которые имеют все признаки письма. В рамках настоящей статьи каждый текст, обозначенный в анализируемом источнике словом *грамота* (в заголовке или самом тексте), который имеет конкретного адресата и адресанта, не сопровождается другим жанровым обозначением (в заголовке или самом тексте)², обязательно отсылающим к сфере правоотношений, не содержит указания на принадлежность к этой сфере, обладает определенными элементами формуляра и передает любые интенции (распоряжение, отчет, фиксация информации и т. д.), относится к эпистолярному тексту. Среди изученного корпуса такие источники присутствуют: словом *грамота* назывались и отписки воевод, и дипломатические послания, и распоряжения государей, и официальные уведомления церковных иерархов³.

В статьях исторических словарей русского языка, разумеется, разграничивается жанровое обозначение грамоты как документа и грамоты как текста, не относящегося к документам: ‘5. То, что написано, текст || послание, письмо | о текстах священного писания. 6. Письменный документ, договор’ (СДрЯ, т. 2, с. 382–383); ‘2. То, что написано: книга, послание, надпись и т. д. 4. Деловой документ, акт (грамота)’ (СРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 119); ‘2. Письмо, послание || воззвание, обращение ко многим людям (обычно противоправительственного содержания) || известие, весть, донесение. 3. *дел.* Документ, официальный письменный акт’ (СОРЯМР, вып. 4, с. 250). Во всех исторических словарях неактовое значение предшествует актовому, и оно является синкретичным (‘то, что написано, в том числе послание, письмо’). Этот синкретизм был унаследован от языка-источника, причем он сохранился на протяжении всего донационального периода истории русского языка.

Словом *грамота* в проанализированных материалах обозначались следующие разновидности писем⁴.

Частные письма бытового и делового содержания. Именно такое самоназвание имеют берестяные грамоты, начиная от древнейших, датированных XI в., текстов: ...*грамота*⁵ *ѡ вонѣга къ с[т]ав[ѣро](ви)* (НКРЯ (берестяная грамота № 613. 1050–1075)); ...*грамота ѡ [л]юдѣславѣ хотѣноу* (НКРЯ (берестяная грамота № 912. 1050–1075)) и др. До конца XIV в. в корпусе берестяных грамот слово *грамота* часто встречалось в значении ‘частное письмо’. Кроме берестяных грамот, другие частные бытовые или деловые древнерусские письма, не выполнявшие культурно-идеологические функции или не приобретающие их со временем, пока неизвестны.

По нашим наблюдениям, в старорусской частной бытовой межличностной переписке слово *грамота* не использовалось адресантами для названия своих писем или писем адресатов. Такие тексты сначала обозначались с помощью лексем *грамотка*, *посланейце*, а позже – с помощью номинаций *письмо*, *письмецо*⁶. В связи с этим заслуживает внимания обозначение датированных 1526–1530 гг. писем Василия III жене, содержание которых исключительно частное бытовое: ...*а ты бѣ ко мнѣ и впередь о своемъ здоровьѣ отписывала* (ПРГ, № 1–2, с. 3); ...*противъ пятницы сынъ Иванъ покрѣчьль* (ПРГ, № 1–2, с. 3) и др. Их он называл грамотами: ...*да послалъ есми къ тебѣ въ сей грамотѣ запись свою руку* (ПРГ, № 1–2, с. 3);

²Например, не включает слова *бессудная*, *благословенная*, *ввозная*, *върющая* и т. д.

³Предполагали ли такие распоряжения или уведомления ответ, т. е. уместно ли говорить в связи с ними о переписке? Если нет, то можно ли считать подобные тексты письмами? Обязательный ответ в виде текста, письменной реплики является типичной, но не обязательной составляющей эпистолярной коммуникации. Ответом на интенцию, высказанную в письме, может быть невербальное действие.

⁴Классификация проводится с опорой на следующую публикацию: Зуева О. В. Стиль эпистолярных текстов XI–XVII веков и его место в истории русского литературного языка... С. 7.

⁵Здесь и далее полужирный курсив в цитатах наш. – О. З.

⁶Грамотой могло быть обозначено частное бытовое письмо в экстратексте, сопровождающем основной текст, но это редкое употребление: *Да скажи от насъ А блгословение Тимоѣю Савиновичю Такова грамота і посылка послака с ѡзвоицомъ с Кирюшкою Ѡедоровымъ марта въ S де* (НКРЯ (Неелов Д. И. Д. И. Неелов жене Домне Григорьевне. 1650–1720)).

...а писалъ у меня сію **грамоту** (ПРГ, № 1–2, с. 3). Возможно, в письмах Василия III отражено важное социолингвистическое измерение жанрового обозначения: письмо великого князя, даже адресованное членам семьи и посвященное бытовым сюжетам, не может именоваться с помощью слова *грамотка*, которое имеет прозрачное уменьшительное значение? Лексемой *эпистолия* или *послание* оно тоже не может называться, так как ее значению не соответствуют стиль, регистр коммуникации⁷.

Итак, в старорусском языке частные межличностные письма бытового, фатического содержания не назывались грамотами. Однако в частной деловой переписке XVII в. (письма помещиков, посвященные хозяйственным вопросам, сообщения приказчиков владельцам вотчин и т. п.) слово *грамота* регулярно использовалось для обозначения как своего письма, так и письма получателя: *Да возил я, г(о)с(у)д(а)рь, с пусташши Прорѣхиной съно по вашему велен(ь)ю вывазных крестьян, и нас, г(о)с(у)д(а)рь, села Трехпруток да деревни Лукины побили и съно отняли в деревне Лукине. И я, г(о)с(у)д(а)рь, о том к вам грамоту послал обо вѣм* (НКРЯ (грамотка приказчика Г. Васильева и старосты К. Елфимова из д. Ивашкова. 1669. 20 дек.); *Кирпичники от тебя г(о)с(у)д(а)ря пришли, дал б(о)г, здорова и грамоту твою к нам принесли* (НКРЯ (грамотка приказчика А. Казакова и старост И. Петрова и К. Акулова из д. Тельчя. 1680. 22 окт.); *Да в твои, г(о)с(у)д(а)рь, грамоте написано, что я невад изадрал* (НКРЯ (грамотка приказчика А. Казакова и старосты П. Найденова из д. Тельчя. 1681. 18 дек.)).

Слово *грамота*, как обозначение письма, встречается в русско-нижненемецком разговорнике Т. Фенне 1607 г.: *Moi gospodin prislall komne grammatu, da pizall ŷ velill mne domum iechatt na pokroff den da dole ne vizitza* (Fenne, p. 142); *Otneszi: otprauil mnie tu gramatu kbatku* (Fenne, p. 142); *Omeesli tŷ tu gramnatu protzest: protzitat: tzeit* (Fenne, p. 192). Всякий раз номинация *грамота* переводится в разговорнике словом *breff* 'письмо'. В СОРЯМР приведены примеры из разговорника для иллюстрации эпистолярного значения слова *грамота* (СОРЯМР, вып. 4, с. 250). Исходя из анализа содержания подлинных старорусских писем, обозначаемых отправителями как грамоты, можно предположить, что речь в этих репликах шла о частных письмах делового содержания.

Официальные письма делового содержания. Употребление слова *грамота* по отношению к официальным письмам является таким же древним, как и использование его применительно к частным письмам. Это высокочастотное жанровое обозначение использовалось как в заголовках, так и в самих текстах. Уже в древнеславянских переводных сочинениях грамотами назывались послания, которые, если судить по контекстам, воспринимались переводчиками как официальные: ...и абие принесѡша **грамоту** (в греческом тексте – ἐπιστολαί. – О. 3.) *сли ѿ кесаря* (НКРЯ (История Иудейской войны Иосифа Флавия. XI–XIII вв.)); ...*покоръ же хотѣ такоже ирода вѡбольстити. и пославѣ чрьца своего съ грамотами* (в греческом тексте – τὰς ἐπιστολάς. – О. 3.), *твораса яко ѿ кесаря посланъ* (НКРЯ (История Иудейской войны Иосифа Флавия. XI–XIII вв.)); ...и срътоша дәрѣви сли, носяще къ нему **грамоту** (в греческом тексте – ἐπιστολάς. – О. 3.) (НКРЯ (Александрия. XI–XIII вв.)); ...*приимъ же александрь грамоту* (в греческом тексте – τὰ γράμματα. – О. 3.) *дәрїа, црѣ прьскаго* (НКРЯ (Александрия. XI–XIII вв.)). В оригинальных греческих текстах использовались слова ἐπιστολή и γράμματα (о различиях в переводах рассуждала А. А. Пичхадзе [9, с. 291–292]).

К официальным письмам делового содержания относятся распорядительные и информирующие письма светских властей, дипломатическая переписка, уведомления местной администрации и др. Это тексты различного ранга и разной модальности. Именно данные источники являются наиболее уязвимыми при классификации текстов, они свидетельствуют о невозможности абсолютного размежевания собственно эпистолярных и собственно актовых материалов. Старорусских примеров обозначения различных типов официальных деловых писем грамотами насчитывается множество: *Скудость же бысть ума въ главѣ его, посла сына своего к безбожному Мамаю с великою честью и съ многыми дары и писа грамоты своа к нему сице: «Въсточному великому и волному, царемъ царю Мамаю – радоватися!»* (НКРЯ (Сказание о Мамаевом побоище. 1400–1425)); *Что прислалъ еси свою грамоту с полоняникомъ, и которая твоя лая, и тому заповедь опосле* (НКРЯ (Иван Грозный. Послание шведскому королю Юхану III 1573 года. 1573)); *А противъ сей грамоты отписати бѣ тебѣ на Еланчикъ къ Федору Окинфову, чтобъ ему тѣ вѣсти были вѣдомы, и жилъ бы въ Туринскомъ острогѣ бережно* (НКРЯ (отписка тобольского воеводы князя Ивана Катырева-Ростовского тюменскому воеводе Матвею Годунову. 1612. Июль)) и др.

⁷В отличие от писем Василия III послания царя Михаила Федоровича патриарху Филарету (отцу, в миру Федору Никитичу Романову) 1610–20-х гг., также имеющие самоназвание *грамота*, маркируют иной тип общения. В нем реализуется исключительно церемониал, этикет: это диалог царя и патриарха, а не сына и отца. Участники переписки тоже называют подобные письма грамотами (например, в письме царя Михаила Федоровича патриарху Филарету с благодарностью за присылку освященной просфоры и святой воды 1619 г. есть следующие слова: ...*писалъ еси намъ въ своей... грамотѣ...* (ПРГ, № 7, с. 10)). Однако в рамках настоящей статьи такие примеры не рассматриваются в связи с номинацией частных писем. Это официальные фатические (этикетные) послания царя к патриарху и ответы на них. То же касается и писем инокини Марфы патриарху Филарету, многочисленные примеры которых представлены в ПРГ.

Воодушевляющие духовные послания. Слово *грамота* зафиксировано в следующих воодушевляющих духовных посланиях: *И тогда приспѣ грамота⁸ от преподобнаго игумена Сергия, от святаго старца, благословенаа; в ней же писано благословение его таково, веля ему битися с татары: «Что бы еси, господине, тако и пошоль, а поможет ти Богъ и святаа Богородица»* (НКРЯ (Летописная повесть о Куликовской битве. 1380–1400)); *Мѣсяца майа въ 7 день в четвертом часу ноци пришли в Троецкой Сергиевъ монастырь сходницы троецкие, каменосѣчцы Шулеши Шпаниковъ да Гаранька, присланы с Москвы з грамотами от келаря старца Авраамия Палицына. А пишет в грамотах архимариту Иасафу з братьею и государевым воеводам и к воинству и ко всем осадным людемъ, православному христианству, чтобы попомнили крестное цѣлование, стояли бы противъ невѣрныхъ крѣпко и непоколебимо...* (НКРЯ (Авраамий Палицын. Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря. 1620)).

Послания интеллектуальной тематики, в том числе полемические. Такие письма номинировались грамотами редко: *О любви убо твоей яже к нам и благом устроени, яже изначала показал еси и еще являеши, яко же честными твоими грамотами утверждаеши, иже любви источникъ* (НКРЯ (Максим Грек. Послание Максима Грека к Федору Карпову. 1518–1519)). Иван Грозный назвал грамотой письмо Андрея Курбского в своем первом ответе ему: *...сия вся аки злочестива творяхуся, яко же въ твоей бесосоставной грамоте написано* (НКРЯ (Иван Грозный. Первое послание Ивана Грозного Курбскому. 1564)). В свою очередь, Андрей Курбский для обозначения писем Ивана Грозного (и своих) использовал слова *послание* и *эпистолия* (гораздо чаще). В тексте третьего послания Андрея Курбского Ивану Грозному лексема *послание* встречается девять раз, не считая заглавия. Слово *грамота* в значении ‘эпистолярный текст’ в переписке с Иваном Грозным Андрей Курбский не употреблял, однако оно появилось один раз (на полях) в списке 1570-х гг.: *...грамоту твою* (комментарий к фрагменту. – О. 3.) [*аз давно уже*] *на широковещательный листъ твой [отписавъ ти]* (БЛДР (т. 11: Третье послание Курбского Ивану Грозному. 1579)). Слово *листъ* в послании Андрея Курбского потребовало глоссирования (об употреблении этого заимствования в великорусской деловой письменности XV–XVI вв. писал А. Золтан [10, с. 100–102, 166]).

Послания-вопросания. В проанализированных источниках (ни в самоназваниях текстов, ни при упоминании писем в других произведениях) не были зафиксированы обозначения словом *грамота* духовных посланий, имевших характер частной межличностной беседы. Вместе с тем отмечено употребление этой лексемы для номинации послания-вопросания – особой жанровой разновидности писем, которая представляет собой запрос на духовное послание. Традиция наименования грамотами таких писем светских лиц духовным сохранялась на протяжении столетий: *А о немже, господине, прислалъ ми еси грамоту, аки прошая великаго и святаго скимнаго образа, въ н же издавна облецися желеаеши* (БЛДР (т. 4: Слова и поучения Кирилла Туровского. Послание к игумену Василию о схиме. После 1182 г.)); *Прислал ты, государь мой, ко мнѣ свою грамоту, а в ней писано, чтобы мнѣ внутри в ней твои список истолковати* (НКРЯ (Филофей. Послание о неблагоприятных днях и часах. 1510–1540)); *Писано же пакы въ грамотѣ вашей, яко тиши же пришелицы глаголаша вамъ...* (НКРЯ (Об умствованиях Косого (из Многословного послания). 1557–1563)). Ответом на послание-вопросание было письмо, в котором авторитетный деятель церкви, выступавший в этом эпистолярном диалоге как духовный наставник, объяснял положения христианского вероучения, оценивал те или иные жизненные ситуации. Таким образом, ответ на послание-вопросание – это духовное, учительное по содержанию послание, при этом само послание-вопросание могло исходить от светского лица.

В старорусском языке существовало устойчивое выражение *посыл(ь)ная грамота*, с помощью которого обозначались официальные письма (светские, в том числе дипломатические, письма, послания церковных властей): *Грамота посылная от архиепископа епископу Прохору. Святейшому и боголюбивому и о святем душе брату и сослужебнику епископу имярек...* (НКРЯ (формулярный извод послания новгородского архиепископа Геннадия Гонзова Сарскому и Подонскому епископу Прохору. 1482–1483)). На базе этого словосочетания возник субстантиват *посылная* в том же значении (СРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 274). В НКРЯ функционирование лексемы *посыл(ь)ная* как субстантивированного слова не отмечено. Возможно, у него было более редкое, в сравнении с устойчивым выражением *посылная грамота*, употребление.

Особые случаи. В Поучении Владимира Мономаха выявлен особый случай функционирования слова *грамота*. Владимир Мономах несколько раз использовал эту лексему в послании к князю Олегу Святославичу, обозначив с ее помощью следующие тексты:

• письмо своего сына к нему, Владимиру Мономаху (*...принуди мя сынъ мой... прислалъ ко мнѣ мужъ свой и грамоту, река: «Ладимъся и смѣримся, а братцю моему судъ пришесть...»*) (БЛДР (т. 1: Поучение Владимира Мономаха. Около 1117 г.));

⁸Грамотой обозначено благословляющее обращение Сергия Радонежского и в Новгородской второй летописи. В житии святого оно, однако, называется посланием: *И се внезапно въ той час приспѣ борзоходець с посланиемъ от святого, глаголюще: «Без всякого съмнѣния, господине, съ дръзновениемъ поиди противу свирѣпства их...»* (БЛДР (т. 6: Житие Сергия Радонежского. Конец XIV – первая половина XV в.)).

- само письмо Владимира Мономаха к князю Олегу Святославичу (*Послушах сына своего, написах ти грамоту: аще ю приимеши с добромъ, ли с поруганьемъ, свое же узрю на твоём писаньи* (БЛДР (т. 1: Поучение Владимира Мономаха. Около 1117 г.)));

- ожидаемый Владимиром Мономахом ответ князя Олега Святославича (*...а еже начнеши каятися Богу... и грамоту напиши с правдою* (БЛДР (т. 1: Поучение Владимира Мономаха. Около 1117 г.))).

Слово *грамота* употреблено в книжно-литературном сочинении, т. е. не в обиходно-бытовом дискурсе. В переводе Д. С. Лихачёва всякий раз в этих контекстах используется современное слово *грамота* (в том числе в следующем фрагменте: *...на твоём писаньи 'из твоей грамоты'* (БЛДР (т. 1: Поучение Владимира Мономаха. Около 1117 г.))). В поучении не приведены тексты грамот князя Олега Святославича и сына Владимира Мономаха. Контексты позволяют предположить, что Владимир Мономах говорил о письмах, а не о документах. О каких письмах по степени официальности, характеру этикетности, тональности он писал? Могут ли эти письма считаться частными (деловыми, фатическими и др.) исследователем, изучающим древнерусскую эпистолярную культуру, или же они должны быть отнесены к официальным деловым? Что было важнее в средневековом эпистолярном диалоге (причем на протяжении столетий) – наличие родственных связей адресанта и адресата или социальные статусы обоих? Едва ли эти вопросы могут получить однозначный ответ, но они указывают на сложность проведения классификации эпистолярных текстов и неизбежность оставления значительной зоны переходности. Есть основания характеризовать коммуникацию Владимира Мономаха с его адресатами как эпистолярную и определять слово *грамота* в поучении как обозначение не документа, а письма в принципе.

Слово грамотица. От лексемы *грамота* в древнерусском языке было образовано слово *грамотица*, семантическую историю которого целесообразно рассмотреть в рамках освещаемой темы. Как и номинация *грамота*, слово *грамотица* 'то, что написано: книга, письмо, документ' (СРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 120) является многозначным. В древнерусских книжных памятниках оно встречается с XI в.: в эпизодах из Жития Феодора Студита (перевод XI в. в рукописи XII в.) после смерти игумена Феодора женщина знатного рода вспоминает, что у нее было письмо от него, и рассказывает о чудесном спасении с помощью этого письма от огня: *...чѣстную вноу грамотицю* (в греческом тексте – *γραμματαῖον*. – О. 3.) *на высящіяся пламы възверъгохъ* (СДрЯ, т. 2, с. 385). Полагаем, словом *грамотица* названо учительное послание частного характера, обращенное к прихожанке. В этом же сочинении упоминается письмо Феодора папе римскому: *Посылаше же и римському първопрестольнику послание* (в греческом тексте – *ἐπιστολάς*. – О. 3.) (СДрЯ, т. 7, с. 319). Номинации разных видов писем различались в греческом тексте (*γραμματαῖον* и *ἐπιστολάς*), и славянские переводчики дифференцировали обозначения.

Владимир Мономах, обращаясь к своим детям, трижды назвал собственное сочинение (весь текст, а не его часть, адресованную князю Олегу Святославичу) грамотицей: *Да дѣти мои, или инь кто, слышавъ сю грамотицю, не посмгѣйтеся...; Аще ли кому не люба грамотица си, а не поохритаются...; Да сю грамотицю прочитаючи, потъснѣтеся на вся дѣла добрая* (БЛДР (т. 1: Поучение Владимира Мономаха. Около 1117 г.)). Содержание трех контекстов традиционно для дидактического красноречия (самоуничительные просьбы благосклонно принять сочинение, призыв обратиться к добру). Поучение Владимира Мономаха обычно не относится к эпистолярным памятникам (за исключением одной его части – послания князю Олегу Святославичу). В его композиции нет смысловых блоков, характерных для писем. Выражение [*дѣти мои, или инь кто,*] *слышавъ сю грамотицю* в начале поучения прямо отсылает к формуле, общей для эпистолярных (официальных деловых писем) и актовых памятников, – извещению адресанта в начале текста о том, что письменное сообщение адресата получено и информация из него воспринята. Например, в дипломатическом послании 1312–1315 гг. имеются следующие слова: *...донесли къ намъ посланіи отъ твояе власти грамоты княженія твоего, слышалъ есмь и вси митрополиты...* (Нифонт, стб. 147). Владимир Мономах трансформировал коммуникативную ситуацию: он предвидел определенное восприятие своего обращения адресатом (конкретным (*дѣти мои*) и обобщенным (*или инь кто*)).

Возникает вопрос, аналогичный поставленному выше касательно слова *грамота*: как воспринимал свое сочинение Владимир Мономах, называя его грамотицей? Вопрос непосредственно связан с проблемой определения жанра Поучения Владимира Мономаха. В самоназвании текста употребляется слово *грамотица*, в зачине письменного памятника размещается самопрезентация автора по формуле *азъ + приложение*, которая использовалась и в деловых грамотах, и в духовных учительных письмах (например, в Мстиславовой грамоте 1130 г. и Послании Феодосия Печерского великому князю Изяславу о вере варяжской или латинской, датированном до 1074 г.), содержание сочинения дидактическое, а его адресат характеризуется и как конкретный, и как обобщенный. Есть основания рассматривать Поучение Владимира Мономаха (целиком, а не только послание князю Олегу Святославичу) в одном ряду с древнерусскими эпистолярными сочинениями. Традиция христианского самоуничтожения требовала от Владимира Мономаха как писателя называть этот текст грамотицей, а не грамотой (в письме князю Олегу Святославичу эта традиция не реализуется, так как в нем действует другая прагматическая установка). Грамотицей, таким образом, обозначается письмо

дидактического, интеллектуального содержания, созданное светским лицом, причем великим князем. Формально это послание является частным, межличностным, тогда как по сути оно публицистическое.

Слово *грамотица* употреблялось в древнерусской бытовой письменности с начала XII в.: ...а *присьте ми грамотичу сторови ли есте* (НКРЯ (берестяная грамота № 424. 1100–1120)) и др.

В Мериле праведном, написанном в XIV в., грамотицами названы послания церковных иерархов: ...*въ юдинъ днь посласта оба патриарха другъ къ другу грамотицъ* (СДрЯ, т. 2, с. 385).

В старорусском языке это слово отсутствует. Исторические словари русского языка не приводят его.

Слово *грамотка*. Еще одним восточнославянским производным от лексемы *грамота* является слово *грамотка*. В отличие от слова *грамотица*, оставшегося достоянием лексической системы древнерусского языка, номинация *грамотка* появилась только в старорусских текстах. Наиболее ранние примеры ее использования именно как обозначения письма (возможно, частного делового) зафиксированы в берестяной грамоте: ...*[имъ ѱ]оловгькомъ грамотку пришили таино* (НКРЯ (берестяная грамота № 24. 1400–1410)).

В послании Андрея Курбского Вассиану Муромцеву XVI в. упоминается межличностное письмо адресата интеллектуальной тематики: [*Посланейцо твое, любовию помазанное, дошло до меня*]. <...> *Да паметца обрѣлася в твоей грамотки запечатана, а написано в ней, яко Григорей рече Богослов называет тайным учеником Христовым Никодима* (НКРЯ (Андрей Курбский. Второе послание Вассиану Муромцеву. 1564–1583)).

Номинация попала в список Азбучного письмовника конца XVI – начала XVII в.: *Епистолия и предисловие и начертание, како писати грамотки ко всякому чину* [11, с. 611]. Для переписчика письмовника грамотка – это любое письмо вне зависимости от его адресата и тематики.

К XVII в. относятся массовые примеры употребления слова *грамотка* для обозначения бытовых, деловых частных писем, в том числе в составе текстовых формул: ...*по сю грамотку жив* (Гр-ки, № 51, с. 39; № 58, с. 43; № 170, с. 96); ...*отдать ся грамотка* (Гр-ки, № 149, с. 83; № 152, с. 84; № 156, с. 87). Уникальный пример обозначения этим словом частного духовного послания зафиксирован в частном письме боярыни Федосьи Морозовой 1668–1669 гг.: она упрекает детей и жену протопопа Аввакума в том, что те прочли письма протопопа к ней, и обращается к ним с рядом риторических вопросов: *Откуда вы взяли то, что прочитали чужия грамотки? И ныне пришли ко мне грамотки просматриваны, батюшковы печати нет на них, вы прочитали. В котором правиле взяли? Кто от духовных отцов или от детей духовных прочитает грамотки?* (Морозова). Такой же единичный пример использования слова *грамотка* как обозначения послания, которое можно определить как официальное деловое, отмечен в Малой комедии о Баязете и Тамерлане, т. е. в художественном тексте, причем переведенном с немецкого языка: *А где та грамотка? Муж и к Зде она есть* (НКРЯ (Темир-Аксаково действо. 1675)). Далее употреблен синоним: [*А в листу написано:*] *Байцет велит тебе поклон свой объявить Финею, державцу царегороцкому* (НКРЯ (Темир-Аксаково действо. 1675)). Однако примеры из послания Федосьи Морозовой и пьесы являются исключительными, а не типичными: в обиходном языке XVII в. грамотка – это светское частное бытовое или деловое письмо. Именно это обозначение использовалось в качестве термина при публикации старорусской частной переписки в 1960–70-х гг. Выходя за выбранные хронологические рамки, отметим, что в XVIII в. происходит стилистическое перемещение лексемы в сторону просторечия при сохранении ей значения ‘письмо, послание’ (СРЯ XVIII, т. 5, с. 218). В издании «Словарь Академии Российской» к слову *грамотка* дается помета *употребляемое токмо между простым народом* (СРЯ XVIII, т. 5, с. 218). Рукопись начала XIX в. имеет название «Форма грамотки писать» [11, с. 658].

Слово *епистолия*. В древнерусском языке эта лексема, заимствованная от среднегреческой номинации *ἐπιστολή*, которая, в свою очередь, происходит от древнегреческого слова со значением ‘письмо; поручение, приказание’ (Вейсман, стб. 508), была многозначной (*ѣпистолия* ‘письменное обращение, послание; грамота, официальный документ’ (СДрЯ, т. 3, с. 215–216). В исторических словарях представлена также номинация мужского рода *ѣпистоль* ‘то же что, что ѣпистолия’. Например, она встречается в списках Пандектов Никона Черногорца конца XIII – XIV в. (СДрЯ XI–XIV, т. 3, с. 216). В ГСБМ зафиксированы обозначения женского рода *епистола* ‘пасланне’, *епистолия* ‘тое, што і епистола’ (вып. 9, с. 1989). Это более молодое, по сравнению с номинацией *грамота*, заимствование со значением ‘письмо = послание’ [9, с. 292].

Для старорусского языка в словарях определяется только значение ‘послание’ (СРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 55; СОРЯМР, т. 6, с. 146)⁹.

⁹Обнаружен единственный пример употребления слова, не только допускающий, но и требующий актовую интерпретацию его семантики: *Градсти же держатели архиепископову словесе усердне повинуются, Богу поспѣшествующу, скоро посланных от себе съ епистолиями отрядиша. Также и архиепископъ свою епистолию с посланнымъ посла, да великий той остров Валам преподобному Сергию отдадут* (НКРЯ (Сказание о Валаамском монастыре. 1558–1570)) ‘Правители же города, прилежно повинуваясь словам архиепископа – Бог им помощь оказывал, – быстро отрядили посланцев с письменными указами. Также и архиепископ свой письменный указ с гонцом послал, чтобы был тот остров Валаам отдан преподобному Сергию, а живущие там люди изгнаны’ (БЛДР (т. 13: Сказание о Валаамском монастыре. 1558–1570)).

Епистолия – слово, которое использовалось исключительно в книжных текстах, написанных на церковнославянском языке строгой нормы или гибридном языке. Оно употреблялось на протяжении древнерусского и старорусского периодов в текстах различных жанров (летопись, житие, сборник поучений, послание, письмовник и др.), вошло в словарь XVII в.: *Епистолия* – послание писменное (СРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 55). Семантизация в этом примере осуществляется через приведение синонима – слова, также употреблявшегося в восточнославянской письменности с XI в. как переводное соответствие греческой лексемы ἐπιστολή. Синоним в данном случае сопровождается уточнением *писменное*, хотя сама лексема *послание* использовалась в средневековых текстах без такого уточнения.

На книжный характер слова *епистолия* указывают не только жанры и стили текстов, в которых оно встречается, но и обозначаемые им в этих текстах разновидности писем. Весь комплекс значений, реализуемых в древнерусских текстах, актуален и для текстов периода Московской Руси.

Послания духовного лица мирянам или другим духовным лицам. В эту группу входят следующие разновидности текстов:

- учительное послание к князю (*То же тако обличаше того, овъгда епистолия пиша, посылааше тому... Се же и послъже въписа къ нему епистолию велику зъло, обличая того и глаголя: «Глас крѣве брата твоего въпиеть на тя къ Богу, яко Авелева на Каина...». ...И яко ть прочьте епистолию ту, разнѣвася зъло... (НКРЯ (Нестор. Житие Феодосия. 1080-е гг.))*);

- беседа духовных лиц (*Постригъ же ся святыи Сава въ Русскомъ манастырь, потомъ же повельниемъ протовымъ начя жити въ Ватопеди; посылаетъ же и ко отцу епистолию, да, оставивъ царство земное, приидеть къ нему (НКРЯ (Никоновская летопись 1176–1362 гг. 1526–1530)); ... а на томъ... Богъ заплатитъ въ ономъ вѣцѣ, что вы насъ благословениемъ своимъ посылти и епистолиями зъло обвеселили (эпистолярный топос: письмо как посещение и утешение) (Иванов))*);

- воодушевляющее послание (*Паче же многи епистолии архимаритъ во время кровопролития християнского по градомъ посылая, сего Иванна, способника себѣ на то имѣя, многи доброписцы дав ему, и тѣми епистолиями во всѣхъ градѣхъ воеводѣ, и приказныхъ и всѣхъ ратныхъ людей, и всѣхъ православныхъ християн умоляя, да бы подвизались за православную християнскую вѣру... (НКРЯ (Симон Азарьин. Житие архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия. 1648–1654))*).

Номинацией *епистолия* еще в старейших славянских переводах обозначались апостолические послания и сочинения Отцов Церкви. На эти послания ориентировались авторы духовных обращений и наставлений.

Официальные послания светских властей (распорядительные, советные, дипломатические письма и др.). В Истории Иудейской войны Иосифа Флавия слово *епистолия* много раз употребляется именно в таком значении: ...принесена же бѣсть епистолѣа (в греческом тексте – ἐπιστολή. – О. 3.) ѿ александра къ иродовоу властелиноу; ...вна же къ римоу приплювши вѣста кесареви црѣву епистолѣю (в греческом тексте – τὰ... ῥάμματα. – О. 3.); ...тиверѣи же прочетъ епистолѣю (в греческом тексте – τὴν ἐπιστολήν. – О. 3.). И вбрадовѣса зъло (НКРЯ (История Иудейской войны Иосифа Флавия. XI–XIII вв.)) и др. В старорусской оригинальной повествовательной литературе зафиксирован следующий пример: *И золь совѣтъ устроиша, и епистолиями королевѣскими и своими злохитными глаголы царствующици град Москву прелестиша, обѣщая королевича дати во крещении царствовати на Великую Россию (НКРЯ (Плач о пленении и конечном разорении Московского государства. Июнь – ноябрь 1612 г.))*.

Письма интеллектуальной тематики формально частного, межличностного, но по сути публицистического характера. В XV–XVI вв. широкое развитие получила переписка светских и духовных лиц либо светских лиц (письма архиепископа Геннадия Новгородского, Иосифа Волоцкого, Федора Карпова, Андрея Курбского, Максима Грека и др.). В текстах такой разновидности слово *епистолия* обозначало письма адресанта и адресата: *Увы, нынѣ нѣтъ мнѣ время епистолей слагати, но время належит рыданю, не бо плачевнаа книга Иеремѣина толикихъ рыданий исполнена быти можетъ, елико моа худая епистолия (НКРЯ (Федор Карпов. Послание митрополиту Даниилу. 1522–1539)); Епистолию твою прях и прочтох, и выразишь... (НКРЯ (Андрей Курбский. Послание Семену Седларю. 1564–1583))*. Андрей Курбский часто употреблял именно это слово.

Частные светские письма. Такие тексты, будь они подлинными, можно отнести к бытовой или деловой переписке, но случаи обозначения их с помощью слова *епистолия* зафиксированы только в литературных сочинениях: *Съ епистолюю (в греческом тексте – ἐπιστολή. – О. 3.) приимъ ѿ мѣри (НКРЯ (Пчела. XI–XIII вв.))*; *Фома (отец главного героя. – О. 3.) же... скоро написав епистолию со многимъ молениемъ... «да увижу, чадо мое, красоту лица твоего, понеже давно не видахъ тя» (НКРЯ (Повесть о Савве Грудцыне. 1660–1670))*. В Повести о Савве Грудцыне для номинации частных бытовых писем также используются слова *писание* и *письмо*, т. е. лексема *епистолия* не является единственным жанровым обозначением. Составители СОРЯМР включили лексему *епистолия* в словник, приведя именно этот

пример (т. 6, с. 146). Книжный контекст, окружающий слово, указывает на то, что оно сохраняло стилистическую маркированность и в обиходном языке. В связи с этим наблюдением уместно вспомнить Азбучный письменник XVI в., имеющий заглавие «Сказание начертанья епистолия, предисловия и посланья ко всякому человеку» [11, с. 588]. Заглавие варьируется по спискам. В сборнике даны образцы зачинов писем в зависимости от адресата. Большинство адресатов – духовные лица (*к священнику* [11, с. 588], *к ыноку* [11, с. 590], *к старцу младу* [11, с. 591]), но встречаются также следующие адресаты: *в полк другу* [11, с. 589], *к мещанину* [11, с. 591], *от вдовы сыну* [11, с. 596], *мужу от жены* [11, с. 597]. Такие письма обозначены как епистолии в письменнике, однако в подлинных старорусских частных бытовых или деловых письмах при характеристике отправителем своего письма это слово не использовалось.

В Азбучном письменнике слова *епистолия* и *послание* употребляются в одном ряду. Разночтения по спискам также сохраняют это параллельное употребление: *...яко всем человеком послание и епистолием предисловие; ...ко всем человеком посланиям и епистолиям предисловие* [11, с. 611] и др. Исследователь старорусских письменников А. С. Демин указывал только один список без слова *епистолия* в заглавии и несколько списков без слова *послание* [11, с. 611]. Возможно, такое параллельное употребление – память о древнерусских устойчивых сочинительных биномах [12]: одно слово актуализирует собственно жанр (*епистолия*), другое – способ передачи информации (*послание*). В таком случае в подобном контексте синонимы не выступают дублетами (в упомянутом примере *епистолия* – *послание писменное* (СРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 55) полное семантическое соответствие достигается приведением уточняющего имени прилагательного).

Слова хартия, харатия. Лексема *хартия* имеет значение ‘пергамен, кожа, приготовленная для письма; послание; грамота’ (Срезн., т. 3, стб. 1362), а слова *харатия*, *харотия* имеют значение ‘пергамен, кожа, приготовленная для письма; письмо; грамота’ (Срезн., т. 3, стб. 1361). В ГСБМ указаны только формы *харатья*, *харатия*, *харатья* ‘пергамент; грамота на пергаменте’ (т. 36, с. 50)). Слова восходят к среднегреческой лексеме *χαρτίον* (форма множественного числа – *χαρτία*), производной от номинации *χαρτης* ‘бумага’ (Фасмер, т. 4, с. 223). В словарной статье заглавным является слово *харатья* (Фасмер, т. 4, с. 223)).

Хартия (номинация с такой основой) – одно из старейших обозначений эпистолярного текста в древнерусской книжности, с XI в. оно представлено в переводных сочинениях, с XII в. – в оригинальных. В основе и актового, и эпистолярного обозначения лежит метонимия (‘писчий материал’ > ‘сообщение, зафиксированное на носителе из этого материала’) ¹⁰. Этот перенос происходил в языке-источнике, о чем свидетельствуют данные исторического корпуса греческого языка ¹¹ и материалы А. Д. Вейсмана (Вейсман, стб. 1339). В эпистолярном значении отмечено употребление слова *хартия* (не *харатья*) в древнерусских книжных памятниках следующей разновидности.

Недифференцированные в жанровом отношении письма. В Минее 1097 г. (перевод византийских гимнов) употреблено слово *хартия*, им обозначается метафорическое, символическое послание: *Всѣмъ бо зоветь жена... приимъшоу новописаную ѿ тебе прѣславную хартию, възвѣщающую прощение...* (Срезн., т. 3, стб. 1362). Это один из древнейших примеров употребления слова в тексте, созданном на Руси, причем семантически спорный (непонятно, реализуется ли здесь эпистолярное значение в принципе).

В переводном Житии Алексея, человека Божьего, словом *хартия* обозначается послание, написанное главным героем, с рассказом о его жизни: «...*Вѣдажь намъ харътию, да видимъ, что ты еси и что есть писано въ ней*». *Тѣгда вѣдасть имъ харътию, и възъмъша вѣдаста ю дьяку церьковному. Съдъшема же цесарема, и архиепископу, и Еуфимияну, начать харътию чисти халтоларь. Егда слыша отецъ чьтения харътия, възкочи съ прѣстола скоро...* «Отдай нам послание, дабы мы увидели, что написано в нем, и узнали, кто ты». Тогда он отдал им свое письмо, а они, взяв его, передали церковному дьяку. И когда цесари, архиепископ и Евфимиан сели, архиварий начал читать грамоту. Как только отец услышал чтение письма, тут же вскочил с места...» (БЛДР (т. 2: Житие Алексия, человека Божия. XI в., по рукописи XII в.)). Обратим внимание на разнообразие лексических единиц, использованных в переводе текста на современный русский язык. Предполагаем, что славянский книжник, переводя и переписывая текст жития, мог воспринимать такое письмо как учительное духовное послание.

Духовные учительные послания. Автор – адресант духовного учительного послания назвал свое письмо словом *хартия*: *И вину ми исповѣдавиу, егоже ради пишеши, ты же, любимиче, не тяжьско мни мноу восписаную ти хартиемо* ‘Но после того, как поведал ты мне, чего ради пишешь, и сам ты, любимый мой, не пообидься на мою, написанную к тебе, хартию’ (БЛДР (т. 4: Послание Климента Смолятича. 1147–1154)).

¹⁰Словом *бересто* обозначались письма частного бытового или делового характера в берестяных грамотах XII–XV вв. (НКРЯ (берестяная грамота № 27. 1380–1400; берестяная грамота № 40. 1410–1420; берестяная грамота № 988. 1180–1200; берестяная грамота № 1004. 1140–1160)). Номинация функционировала в сфере письменного обиходного общения, однако затем она полностью ушла из употребления. Эпистолярное значение не приводится в словарях старорусского языка и русского языка XVIII–XIX вв.

¹¹Thesaurus linguae Graecae [Electronic resource]. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu> (date of access: 03.02.2023).

Исследованные примеры из старорусских текстов не позволяют однозначно интерпретировать употребление слов *хартія* и *харатія* именно в эпистолярном значении. Например, во *Временнике* Ивана Тимофеева лексема *хартія* употребляется несколько раз: *Таковымъ. Убо образомъ лжяя славы, и хартія* (слово означает или официальное послание, или царскую грамоту. – О. З.) *многи градомъ всеа державы съ царскими печатльми разослаша, наполняюще соплетеного своего лжесловесія впуцающихъ слухи...; ...собрашася необлгнню вкупть силнословесныя рачителя его вся и, молебну человеку угоды хартію* (неизвестно, означает слово прошение или послание. – О. З.) *писанми тцанно соплетие* (НКРЯ (Иван Тимофеев. *Временник*. 1610–1617)). Такие примеры не единичны. В большинстве отмеченных в источниках контекстов идет речь или об официальных грамотах, или о писчем материале, свертках, листах¹²: *Онъ же нача уготовлятися къ путному шествію и испроси себѣ у великого князя хартіи, сирѣчь грамоты, не писаны, а запечатаны великого князя печатію...* (НКРЯ (Никоновская летопись 1362–1424 гг. 1526–1530)); *Нынѣ же врази животу – мраз, студен снѣгъ и дымъ разумъ смущаютъ, перѣсты стѣсняють, очи слезити понужаютъ, чернило мрѣзнетъ, харатію сажею опорачают, коя вся писцу спротивна быти видятся* (НКРЯ (Федор Карпов. *Послание митрополиту Даниилу*. 1522–1539)). Для обозначения письма адресата и своего письма Федор Карпов в этом же сочинении употребляет слово *епистолия* и др.

В разговорнике Т. Фенне 1607 г. приводится форма *харатія* (*гараця – garatzia – pergamentit* (Fenne, p. 65)), т. е. указывается только значение ‘писчий материал’. Мы не говорим о том, что слово *хартія* или *харатія* не употреблялось для обозначения писем в старорусскую эпоху, поскольку позднее в словаре В. И. Даля (как и в издании М. Фасмера, заголовочным является слово *харатья*) оно зарегистрировано: «...вообще хартія – важное письмо, документ, грамота или жалованное письмо, дарственная и пр.» (Даль, с. 542). Отсутствие в старорусских текстах, зафиксированных в НКРЯ, примеров употребления лексем *хартія* и *харатія* в значении ‘письмо’ позволяет предположить наличие у них в старорусском языке особой стилистической нагруженности, обусловившей ограниченность употребления, по сравнению с другими названиями писем, в том числе обозначениями духовных посланий.

Заключение

В таблице показано, по отношению к каким типам писем применялись обозначения *грамота*, *епистолия*, *хартія*, *харатья*, а также *грамотица* и *грамотка* в исследованных восточнославянских письменных памятниках XI–XVII вв.

Обозначения разных типов писем в восточнославянских письменных памятниках XI–XVII вв.

Designations of different types of letters in East-Slavic written monuments of the 11–17th centuries

Период	I	II	III	IV	V	VI	VII
Слова <i>хартія</i> , <i>харатія</i>							
XI в.							+
XII в.					+		
XIII в.							
XIV в.							
XV в.							
XVI в.							
XVII в.			+	(?)			
Слово <i>грамота</i>							
XI в.	+						
XII в.	+			+			+
XIII в.	+		+				
XIV в.	+					+	+
XV в.			+			+	
XVI в.		+	+	+		+	
XVII в.		+	+			+	+

¹²Современные исторические словари русского языка до соответствующей буквы не дошли, поэтому в данном случае мы ограничены в поиске оцифрованными источниками и материалами для словаря И. И. Срезневского.

Окончание таблицы
Ending table

Период	I	II	III	IV	V	VI	VII
<i>Слово грамотка</i>							
XI в.							
XII в.							
XIII в.							
XIV в.							
XV в.	+						
XVI в.				+			
XVII в.		+		+	+(s)		+
<i>Слово грамотица</i>							
XI в.							
XII в.	+				+		+(?)
XIII в.							
XIV в.						+	
XV в.							
XVI в.							
XVII в.							
<i>Слово епистолия</i>							
XI в.			+		+		
XII в.						+	
XIII в.		+	+		+		
XIV в.						+	
XV в.				+			
XVI в.			+	+	+	+	+
XVII в.			+		+	+	

Примечание. Цифрой I обозначены берестяные грамоты, цифрой II – светские частные бытовые, фатические и деловые письма, цифрой III – светские официальные деловые письма, цифрой IV – письма интеллектуального, в том числе полемического, содержания, цифрой V – частные духовные письма, цифрой VI – официальные духовные письма, цифрой VII – не дифференцированные в видовом отношении письма; знаком (s) отмечена номинация, зафиксированная в единственном тексте, знаком (?) маркированы случаи, когда письменный памятник нельзя однозначно интерпретировать как эпистолярный текст.

Номинации не выступают синонимами-дублетами. Наиболее широкий семантический диапазон выявлен у слова *епистолия*. Лексема *хартія* – самое редкое обозначение писем. Номинации *грамота* и *грамотка* не употреблялись для обозначения частных духовных посланий, в отличие от слов *хартія* и *епистолия*. Все гречизмы могли использоваться по отношению к не уточняемому в сочинении виду письма, когда упоминается некое отправленное сообщение или даже приводится его фрагмент, но можно только предполагать, каков характер этого эпистолярного общения. Номинации были многозначными в древнерусском языке и, в частности, могли обозначать как эпистолярный текст, так и официальный документ. Это обстоятельство является одним из факторов, обуславливающих проблему дифференциации актов и эпистолярных источников. Для слова *грамота* и в старорусском языке одинаково актуальным было обозначение двух типов источников. Лексема *епистолия* практически утратила значение ‘документ’ в старорусском языке, она даже не приводится в исторических словарях. У номинации *хартія* в старорусском языке, напротив, эпистолярное значение ушло в пассивное языковое знание.

В истории русского языка донационального периода только слово *грамота* в значении ‘письмо’ не было ограничено рамками книжной культуры, а также стало базой для образования слов – других эпистолярных жанровых обозначений. При всей высокой частотности употребления слова *грамота* в древнерусских и старорусских письменных памятниках, сохранении употребления слова *епистолия* в книжно-литературных текстах вплоть до XVIII в. ни одно из них не стало основным обозначением эпистолярного текста

в русском языке национальной эпохи. Не стали основным названием и такие древние обозначения писем, как *писанье*, *послание* и др. Направления дальнейшего изучения вопроса – определение времени и факторов закрепления в русском языке номинации *письмо* ‘эпистолярный текст’, установление смысловых отношений между разными обозначениями текстов эпистолярного жанра в истории русского языка.

Сокращения

Fenne – Tönnies Fenne’s Low German manual of spoken Russian. Pskov, 1607 : in 4 vol. / ed. by L. L. Hammerich, R. Jakobson. Copenhagen : Munksgaard, 1970. Vol. 2 : Transliteration and translation. 488 p. ; **БЛДР** – Библиотека литературы Древней Руси [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2070> (дата обращения: 01.02.2023) ; **Вейсман** – *Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. 5-е изд. СПб. : Издание автора, 1899. VIII с., 1370 стб. ; **Гр-ки** – Грамотки XVII – начала XVIII века / под ред. С. И. Коткова. М. : Наука, 1969. 415 с. ; **ГСБМ** – Гістарычны слоўнік беларускай мовы : у 37 вып. / под ред. А. І. Жураўскага, А. М. Булыкі. Мінск : Навука і тэхніка, 1982–2017. 37 вып. ; **Даль** – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 2003. Т. 3 : П – Р. 555 с. ; **Иванов** – Письмо дьякона Федора Иванова игумену Феоктисту // *Материалы для истории раскола за первое время его существования* : в 8 т. / под ред. Н. Субботина. М. : Тип. Т. Рис, 1874. Т. 1. : Документы, содержащие известия о лицах и событиях из истории раскола за первое время его существования, ч. 1 : О лицах, судившихся на Соборе 1666–1667 года. С. 397–399 ; **Морозова** – Письмо боярыни Ф. П. Морозовой к жене и детям протопопа Аввакума на Мезень. Москва, [1668–1669 гг.] // Протопоп Аввакум. Личность и эпоха в архивных документах [Электронный ресурс]. URL: <https://avvakum.rusarchives.ru/pismo-boarynyi-fp-morozovoy-k-zhene-i-detyam-protopora-avvakuma-na-mezen> (дата обращения: 01.02.2023) ; **Нифонт** – Послание патриарха Константинограда Нифонта великому князю Михаилу // *Рус. ист. библиотека* : в 39 т. / под ред. А. С. Павлова. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. Т. 6, ч. 1 : Памятники древнерусского канонического права (памятники XI–XV в.). Стб. 147–148 ; **НКРЯ** – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.02.2023) ; **ПРГ** – Письма русских государей и других особ царского семейства : в 5 т. Т. 1. М. : Унив. тип., 1848. 191 с. ; **СДРЯ** – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / под ред. В. Б. Крысько. М. : Рус. яз., 1988–2013. 10 т. ; **СОЛЯМР** – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII вв. : в 9 вып. / под ред. О. С. Мжельской. СПб. : Наука, 2004–2020. 9 вып. ; **Срезн.** – *Срезневский И. И.* *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам* : в 3 т. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1893–1912. 3 т. ; **СРЯ XI–XVII** – Словарь русского языка XI–XVII вв. : в 29 вып. / под ред. С. Г. Бархударова. М. : Наука : Азбуковник : Лексрус, 1975–2011. 29 вып. ; **СРЯ XVIII** – Словарь русского языка XVIII века : в 6 вып. / под ред. Ю. С. Сорокина. Л. : Наука, 1984–1991. 6 вып. ; **Фасмер** – *Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка* : в 4 т. М. : Прогресс, 1973. 4 т.

Библиографические ссылки

1. Сметанин ВА. Новое в развитии представлений об эпистографии. *Античная древность и средние века*. 1980;17:5–18.
2. Грицкевич ВП, Каун СБ, Ходин СН. *Теория и история источниковедения*. Минск: БГУ; 2000. 221 с.
3. Данилевский ИН, Кабанов ВВ, Медушевская ОМ, Румянцева МФ. *Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 1998. 702 с.
4. Крычко ВП. Эпістэлярны жанр і аратарская проза ў старабеларускай літаратуры XII–XIII стст. У: Хаўстовіч М, рэдактар. *Працы кафедры гісторыі беларускае літаратуры Белдзяржуніверсітэта. Выпуск трэці*. Мінск: БДУ; 2002. с. 26–37.
5. Milić D, Đekić D. Methods of written communication in Medieval Serbia based on the life of Saint Sava written by Domentian. *Media Studies and Applied Ethics*. 2022;III(2):75–85. DOI: 10.46630/msae.2.2022.06.
6. Schulte R, von Tippelskirch X, editors. *Reading, interpreting and historicizing: letters as historical sources* [Internet]. Fiesole: European University Institute; 2004 [cited 2023 February 3]. 202 p. Available from: <http://hdl.handle.net/1814/2600>.
7. Никитина ОВ. Слово «грамота» и его история в русском языке. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. 2013;1(часть 1):147–155.
8. Львов АС. К истории слова «грамота» в древнерусской письменности. В: Жуковская ЛП, Тарабасова НИ, редакторы. *Исследования источников по истории русского языка и письменности*. Москва: Наука; 1966. с. 88–103.
9. Пичхадзе АА. *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект*. Москва: Рукописные памятники Древней Руси; 2011. 403 с.
10. Золтан А. *Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам*. Москва: Индрик; 2014. 222 с.
11. Демин АС. *О древнерусском литературном творчестве: опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова*. Гребенюк ВП, редактор. Москва: Языки славянской культуры; 2003. 760 с.
12. Артамонова МВ. Дефиниции устойчивых сочинительных биномов в древнерусском тексте. *Ярославский педагогический вестник. Серия: Гуманитарные науки*. 2012;1:214–217.

References

1. Smetanin VA. [New in the development of ideas about epistolography]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*. 1980;17:5–18. Russian.
2. Gritskevich VP, Kaun SB, Khodin SN. *Teoriya i istoriya istochnikovedeniya* [Theory and history of source studies]. Minsk: Belarusian State University; 2000; 221 p. Russian.
3. Danilevskii IN, Kabanov VV, Medushevskaya OM, Romyantseva MF. *Istochnikovedenie: teoriya, istoriya, metod. Istochniki rossiiskoi istorii* [Source study: theory, history, method. Sources of Russian history]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 1998. 702 p. Russian.
4. Krychko VP. [Epistolary genre and oratorical prose in Old Belarusian literature of the 12th–13th centuries]. In: Khaustovich M, editor. *Pracy kafedry gistoryi belaruskae litaratury Beldzjarzhuniversteteta. Vypusk trjeci* [Works of the department of the history of Belarusian literature of the Belarusian State University. Issue three]. Minsk: Belarusian State University; 2002. p. 26–37. Belarusian.

5. Milić D, Đekić D. Methods of written communication in Medieval Serbia based on the life of Saint Sava written by Domentian. *Media Studies and Applied Ethics*. 2022;III(2):75–85. DOI: 10.46630/msae.2.2022.06.
6. Schulte R, von Tippelskirch X, editors. *Reading, interpreting and historicizing: letters as historical sources* [Internet]. Fiesole: European University Institute; 2004 [cited 2023 February 3]. 202 p. Available from: <http://hdl.handle.net/1814/2600>.
7. Nikitina OV. Word «gramota» and its history in the Russian language. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*. 2013;1(part 1):147–155. Russian.
8. L'vov AS. [Toward the history of the word «gramota» in Old Russian writing]. In: Zhukovskaya LP, Tarabasova NI, editors. *Issledovaniya istochnikov po istorii russkogo yazyka i pis'mennosti* [Studies of sources on the history of the Russian language and writing]. Moscow: Nauka; 1966. p. 88–103. Russian.
9. Pichkhadze AA. *Perevodcheskaya deyatel'nost' v domongol'skoi Rusi: lingvisticheskii aspekt* [Translation activity in Pre-Mongol Rus: linguistic aspect]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi; 2011. 403 p. Russian.
10. Zoltan A. *Interslavica. Issledovaniya po mezhlavyanskim yazykovym i kul'turnym kontaktam* [Interslavica. Studies on inter-Slavic linguistic and cultural contacts]. Moscow: Indrik; 2014. 222 p. Russian.
11. Demin AS. *O drevnerusskom literaturnom tvorchestve: opyt tipologii s XI po seredinu XVIII vv. ot Ilariona do Lomonosova* [On Old Russian literary work: an experience of typology from the 11th to the middle of the 18th centuries from Hilarion to Lomonosov]. Moscow: Language of Slavic culture; 2003. 760 p. Russian.
12. Artamonova MV. Definitions of stable coordinating binomials in the Old Russian text. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin. The Humanities*. 2012;1:214–217. Russian.

Статья поступила в редакцию 15.03.2023.
Received by editorial board 15.03.2023.